

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ
СССР

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1956 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

МАРТ-АПРЕЛЬ
1967

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» - МОСКВА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ С. Н. АЗБЕЛЕВА «ТЕКСТОЛОГИЯ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА»

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Статья С. Н. Азбелева могла бы быть названа рецензией на мои книги по текстологии. С. Н. Азбелев обсуждает только те вопросы, которые в них подняты, отталкивается только от моих определений и суждений, не привлекая всей большой литературы по тем же вопросам. Он пишет в основном так, точно по всем трактуемым им вопросам существуют только две книги Лихачева. Даже цитаты из многочисленных работ А. А. Шахматова берутся им только те, которые даю и я, и приводятся им в том же объеме, что и у меня. Такое «ограничение» спора, конечно, сужает его значение.

В своем ответе С. Н. Азбелеву я ограничусь только несколькими узловыми темами, оставив в стороне те вопросы, возражения по которым С. Н. Азбелева посят, с моей точки зрения, характер мало существенных придилок или схоластических рассуждений¹.

Вспомогательная ли дисциплина текстология?

Признавать или не признавать текстологию вспомогательной дисциплиной—зависит от того, что мы будем подразумевать под понятием «вспомогательная дисциплина». Специально определением этого понятия я не занимался, но в своей «Текстологии на материале русской литературы X—XVII вв.»

¹ Так, схоластическими представляются мне все рассуждения автора о различии между количественными изменениями текста и качественными и о марксистском законе перехода количества в качество применительно к вносимым автором поправкам в мои определения понятий «вид», «извод», «редакция», «версия», «протекст».

(1962) я подчеркиваю следующее. Различия между «вспомогательными» и «основными» дисциплинами все более стираются. Разделение наук на добывающие материал и обрабатывающие материал—чисто условное. Все гуманитарные дисциплины в той или иной мере вспомогательные по отношению друг к другу, и все они, одновременно, в какой-то мере суверенны. Это не мое наблюдение. Я ссылаюсь на работу Л. Сантифаллера и на суждения покойного академика М. Н. Тихомирова². Если стремиться серьезно обсуждать этот вопрос, то необходимо принять во внимание всю обширную литературу, посвященную ему, а не ограничиваться отрывочными цитатами из моей книги. В моей же книге я пишу о том, что текстология—самостоятельная дисциплина только в определенном смысле: текстология не может рассматриваться только как дисциплина, занимающаяся вопросами издания текста. Ее метод и выводы независимы от того, для чего они предназначаются. В этом смысле я ее и называю самостоятельной. Позволю себе привести в полном виде цитату из моей книги, оборванную С. Н. Азбелевым: «Текстология—не прикладная дисциплина, ставящая себя целью правильное издание текста, а самостоятельная наука, изучающая историю текста произведения»³. По поводу того, почему задачи текстологии не следует ограничивать эдичионной техникой, у меня написано довольно много.

² См. об этом: Д. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., М.—Л., 1962, стр. 3.

³ Там же, стр. 538.

Одновременно путем ряда домысливаний С. Н. Азбелев приписывает мне подчинение задач текстологии прежде всего задачам издания текстов (стр. 85 статьи Азбелева). Это явно противоречит тому, что я говорю в обеих моих книгах по текстологии и в ряде статей на эту тему. Когда я говорю, что текстология — самостоятельная наука, то я именно и имею в виду, что ее метод, задачи и выводы не подчинены задачам издания текста. Текстология изучает историю того или иного текста памятника независимо от того, кто, как и для чего ее выводами воспользуется. Этим достигается объективность выводов. Но когда выводы найдены, ими пользуются те, кто издает тексты, кто их изучает по содержанию, литературоведчески, языковедчески или как исторический источник. И этим не умаляется независимость текстологии. Математика — независимая наука, хотя без математики невозможны ни современная физика, ни химия, ни многие другие науки.

С. Н. Азбелев, основываясь на моем утверждении, что текстология — филологическая дисциплина, приписывает мне утверждение литературоведческой природы текстологических исследований. Но ведь достаточно заглянуть даже не в Большую Советскую Энциклопедию, а всего лишь в краткую, чтобы прочесть там: «Филология, совокупность наук, изучающих язык и письменность: языкознание, литературоведение, а также вспомогательные дисциплины — источниковедение, палеография, текстология и др.»⁴

Если я не даю своего определения понятия филологии, то потому, что не расхожусь с общепринятым. С. Н. Азбелев в своем домысливании за меня идет настолько далеко, что изменяет даже своему собственному определению. Он говорит: «В настоящее время филологическими науками у нас принято называть литературоведение и языкознание», а затем приписывает мне мысль, что под филологией я подразумеваю одно лишь литературоведение. Данными текстологии пользуются историки, литературоведы, языковеды, богословы, историки права и т. д. Но она филологическая дисциплина в том смысле, что имеет дело с языком и письменностью. В подходе к текстам историк — такой же филолог, как филолог и литературовед. Текстология в равной степени близка и историкам, и литературоведам, и лингвистам, и историкам права и т. д.

Все остальные рассуждения С. Н. Азбелева о том, что текстология не входит в состав литературоведения, практически бесполезны.

Существуют ли различия между исследованиями литературных текстов и исторических источников?

С. Н. Азбелев считает, что «метод текстологического исследования и у историков, и у литературоведов — один и тот же» (стр. 84). Кроме того, он думает, что не различается и конкретная методика текстологи-

ческих исследований у литературоведов и историков. «Частные различия», по мнению С. Н. Азбелева, в приемах текстологических работ становятся «заметны» только тогда, «когда речь идет о материале нового времени» (стр. 84). В своей книге 1962 г. я, действительно, не уделял большого внимания различиям в методе и методике текстологических исследований исторических документов и литературных, так как книга эта была построена на материале древней литературы, где специфика литературного материала еще слабо разработана. Кроме того, в моих книгах по текстологии мне необходимо было подчеркнуть единство текстологии как науки. Но различиям текстологических исследований я посвятил специальную работу, оставшуюся, по-видимому, неизвестной С. Н. Азбелеву: «Uloha estetického hodnocení při přípravě kanonického textu literárního díla»⁵.

Различия между текстологом-историком и текстологом-литературоведом сказываются, например, в отношении к понятию «канонический текст». Канонизация текста противоречила бы духу исторического исследования. Мы не имеем права объявлять тот или иной текст исторического источника каноническим, стабильным, так как это выключило бы его из источниковедческого анализа. Историк не может исследовать памятник как исторический источник, текст которого «установлен» кем-то другим и не подлежит пересмотру. Исторический подход требует возможности ясно представлять себе не статику текста, а его динамику. Динамика текста вскрывает намерения автора, раскрывает его тенденции. Между тем подход к памятнику как к художественному произведению требует обратного — его стабилизации, законченности.

При изучении литературного памятника текстолог должен вскрыть эстетическую систему произведения и принимать ее во внимание при выборе текста, в определении основного чтения, при изучении разночтений, вариантов и т. д.

Различия в подходе к литературному тексту и к историческому документу сказываются и в применении к ним принципа «последней авторской воли». Для историка этот принцип не играет той существенной роли, которую он играет для текстолога-литературоведа. Все эти различия действительно и для древней русской литературы, хотя практически принимаются в расчет в текстологических исследованиях ее реже, чем в текстологических исследованиях новой литературы.

Я лишен возможности подробно остановиться на всех различиях в текстологическом исследовании литературного произведения и исторического памятника. Конечно, различия эти имеют относительное значение, но это относительное значение тем не менее существенно и не позволяет полностью и бездоказательно объединить методику изучения исторических источников и художественных произведений. С. Н.

⁴ «Энциклопедический словарь». Главный редактор Б. А. Введенский, т. 3, стр. 512.

⁵ «Česká literatura», Ročník, 14—1966, стр. 12—20.

Азбелев слишком прямолинейно и некритически воспринял мой тезис о «единой текстологии» — единой для юристов, историков, языковедов, литературоведов, а также для востоковедов, античников, медиевистов и т. д. — и пытается отрицать всякие различия в текстологическом исследовании памятников литературных и исторических, если речь идет о памятниках «ненового времени».

Между тем единство текстологии как науки не определяется тем, что нет различий в подходе к разным типам памятников как не отменяется и единство химии различиями в подходе к отдельным химическим веществам.

История письменности, история произведения и история текста произведения

С. Н. Азбелев склонен отождествлять «творческую историю» произведения с историей текста произведения. Так, он относит к текстологии «изучение взаимозависимости литературных произведений древней Руси» (стр. 89). При этом Азбелев ссылается на А. А. Шахматова, который якобы требовал того же. Но А. А. Шахматов нигде не говорит о задачах текстологии, для него вообще не существовало даже самого термина «текстология». Он был великолепным текстологом, но текстологию он не осознавал как отдельную дисциплину (самостоятельную или вспомогательную — в данном случае неважно). В цитированном С. Н. Азбелевым месте А. А. Шахматов пишет об изучении литературных произведений, т. е. о литературоведении в целом, а не о текстологии. Приведу еще раз цитату Шахматова, уже неоднократно приводившуюся мною и приведенную С. Н. Азбелевым: «Главной задачей исследователя летописных сводов, как и вообще всяких литературных памятников, должно быть установление взаимной связи между однородными, сходными памятниками, причем эта связь может частью объясняться общим происхождением от других, древнейших памятников, частью же она может зависеть и от взаимного друг на друга влияния этих памятников. Без такой предварительной работы немыслимы никакие общие характеристики памятника: действительно, то самое, что исследователь, ограничившийся изучением одного какого-нибудь памятника, считает характеристичным именно для него, при дальнейшем расширении наблюдений может оказаться заимствованным из других современных или более древних произведений...»⁶. В другом месте А. А. Шахматов пишет: «...в истории литературы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях

⁶ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. «Записки имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению», т. IV, № 2, СПб., 1899, стр. 177.

разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений»⁷. Значит, в приведенных местах речь идет не о текстологии как о таковой, а об историко-литературном изучении литературных памятников, об «истории литературы».

С. Н. Азбелев склонен видеть во всех работах по «Истории летописания» А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова текстологические исследования как таковые. В таком случае полностью стирается различие между текстологией и литературоведением, между текстологией и источниковедением. Изучение взаимовлияний литературных произведений источников произведений относится к задачам литературоведения и источниковедения. Эти исследования могут многое дать для текстологии, но сами по себе они еще не входят в состав текстологии. Изучение «творческой истории» произведения, как изучение истории любого памятника (художественного или документа) не есть текстология. История всей средневековой письменности, изучение взаимовлияний и взаимопроникновений памятников тем более не есть текстология. Не случайно А. А. Шахматов говорит об «истории литературы», а не о текстологии. Текстологическое исследование ставит своей задачей изучение только истории текста произведения, а не истории создания самого произведения или документа, и тем более не истории письменности в целом. Поэтому особое значение имеет строгое разграничение в работе текстолога текста произведения от самого произведения и произведений друг от друга.

Если относить к текстологии изучение развития формуляров, выяснение и объяснение взаимовлияний мало связанных друг с другом документов и даже архивных собраний, в которых они хранились и использовались (стр. 88), то такая экспансия текстологии приведет в целом к поглощению ею всего источниковедения, исторического, литературоведческого, лингвистического и т. д., всей истории письменности.

Я не вижу необходимости особо останавливаться на определениях понятий «текст» и «произведение», которое дает С. Н. Азбелев, так как последний только модифицирует определения, данные мною. Определение понятия «текст» С. Н. Азбелевым ближе всего из всех существующих определений этого понятия (Г. Паса, К. Выки, К. Гурского, З. Голинского и др.) именно к моему, которое он и берет как исходное.

Всегда ли существует архетип?

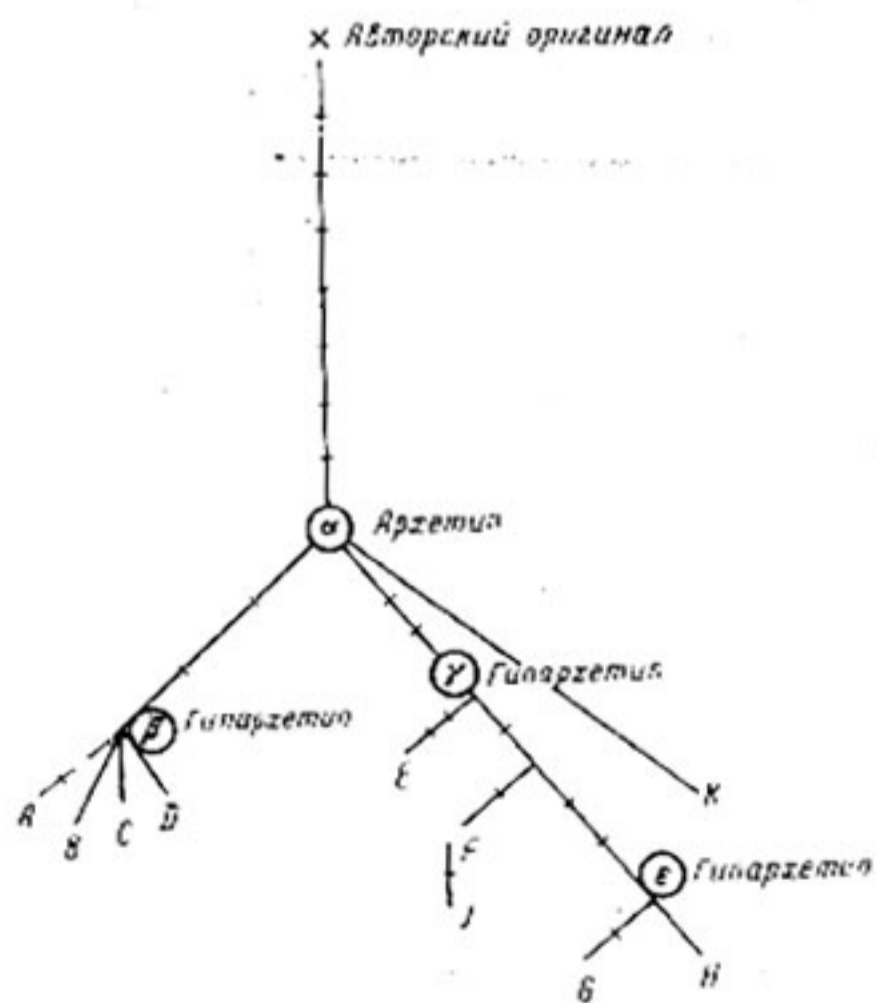
С. Н. Азбелев считает, что архетип может быть выявлен всегда, если существует несколько родственных списков. Для доказательства этого положения он дает свое определение понятия архетип, а затем, прилагая его к моей схеме, изображающей

⁷ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. «Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академии наук премий митрополита Макария в 1907 г.», СПб., 1910, стр. 84.

только один из возможных случаев отсутствия архетипа, и модифицируя эту схему, доказывает, что архетип может быть выявлен и в ней. Но, во-первых, чтобы опровергнуть чье-либо утверждение, необходимо исходить из тех определений, которые дает сам опровергаемый автор. Давая же свои определения, можно опровергнуть и доказать все, что угодно. Во-вторых, необходимо считаться с тем, что у меня в прилагаемой схеме приведено не доказательство, а иллюстрация, один из возможных случаев отсутствия архетипа. А в-третьих, необходимо считаться с тем, для чего существует в науке определенное понятие, в связи с чем оно было выработано.

Как я уже писал, понятие архетипа неразрывно связано с текстологической концепцией и текстологическим методом школы К. Лахмана. По представлениям К. Лахмана и его последователей, писец всегда только переписывает один предшествующий текст. Он не производит дополнительной творческой работы (в свой текст он вносит только ошибки) и не пользуется дополнительными источниками, не соединяет тексты. В связи с этим задача текстолога, восстанавливающего самый близкий к авторскому текст, заключается в том, чтобы, разбивая все дошедшие списки по группам, восстановить на основании устранения ошибочных чтений архетип каждой группы, а затем, устраняя ошибки архетипов групп, восстановить архетип произведения — текст самый близкий к авторскому.

Наиболее авторитетное руководство по критике текста этой школы — книга П. Мааса «Критика текста»⁸ предлагает следующую схему, из которой видно, что подразумевают представители школы К. Лахмана под архетипом (схема № 1).

Пауль Маас дает следующее определение понятия архетип (и это определение традиционно, не выдуманно им): «Текст, который

⁸ Paul Maas. Textkritik, Leipzig, 1957, s. 7.

начинает собой первое разноречие (разъединение) списков, называется архетипом»⁹. Смысл этого определения тот же, что и у меня. Мое определение только более описательное. Я стремлюсь в нем пояснить более подробно этот термин, не отступая от того смысла, который вкладывается в это понятие школой К. Лахмана.

С. Н. Азбелев напрасно утверждает, что мои слова о том, что понятие архетипа терпит крушение, не получили обоснования в соответствующей главе. Я не знаю, что подразумевает С. Н. Азбелев под «соответствующей главой», но книга моя «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.» начинается с критики механистической текстологии К. Лахмана, которой принадлежит понятие «архетип», объявляемое С. Н. Азбелевым «одним из самых важных понятий текстологии» (стр. 100). Эта критика системы представлений школы К. Лахмана не принята во внимание С. Н. Азбелевым.

Если мы обратимся к той схеме взаимоотношения списков, которую предлагает в своем руководстве Пауль Маас, то заметим, что все списки в ней восходят только к одному предшествующему. Текстологическая работа по П. Маасу состоит в восстановлении ближайшего к авторскому тексту — общего архетипа памятника. Для этого следует сперва восстановить гипархетипы списков ABCD и EFGH, путем «очищения» списков от ошибок и восстановления первоначальных чтений, а затем путем удаления разночтений в гипархетипах β и γ и в списке К восстановить архетип произведения в целом. На восстановлении этого архетипа работа текстолога заканчивается.

В противоречии с общей концепцией школы К. Лахмана, которому принадлежит это понятие, С. Н. Азбелев дает свое определение, не связанное с конкретной методикой исследования и практически бесполезное. Вот то определение, которое дает С. Н. Азбелев: «Архетип — наиболее ранний из текстов произведения (или какой-либо одной их разновидностей), об особенностях которых можно судить путем сопоставления всех доступных изучению его текстов» (стр. 102).

Спрашивается: что значит «судить о тексте»? О каком из предшествующих текстов мы в той или иной мере не можем судить по текстам, к нему восходящим? А вот если бы текстологу приходилось восстанавливать с помощью методики К. Лахмана архетипы, то в случаях, разбираемых С. Н. Азбелевым, это было бы практически невозможно сделать. Архетипа в том смысле, в каком он понимается последователем методики К. Лахмана Паулем Маасом, в разбираемых С. Н. Азбелевым случаях нет. Если имеются дополнительные источники, если писец соединяет два текста или даже больше, если он проверяет текст одного списка по другому и т. д., — не может быть и речи о тексте, «от которого пошли первые разночтения».

Понятие архетипа отпадает само собой потому, что после работ А. А. Шахматова

⁹ Ibid, s. 6.

изменились и сильно усложнились наши представления о движении текста произведения. Попробуйте сравнить вышеприведенную схему движения текста Пауля Мааса с любой схемой из книги А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1938). Читателю легко убедиться, что понятие архетипа здесь неприменимо и бесполезно. Не случайно поэтому создатель современной текстологии А. А. Шахматов им и не пользовался. Им широко пользовался последователь К. Махмана — А. С. Лаппо-Данилевский.

Реконструкция и издание источника

Вопрос о том, что следует строго различать издание источника от реконструкции источника, чрезвычайно актуален сейчас в советском источниковедении. Мы должны бороться за объективность выводов и объективность интерпретации исторических источников, против «подтягивания» источников к желаемым выводам. Первый и наиболее коварный способ такого подтягивания — необъективное издание источника — в «нужной» редакции, в «нужном» тексте. Самое обычное и распространенное подтягивание текста при издании к желательному для издателя виду — это такое препарирование текста, которое претендует представить памятник в «очищенном», «авторском» тексте, а на самом деле отражает вкусы и представления текстолога.

Отчетливо видна невозможность соединить тексты разных редакций в изданиях лингвистов. Каждый список представляет собой язык времени создания этого списка. Писец, переписывая текст более раннего времени и сохраняя старые формы или модернизируя их, создает тем самым документ своего отношения или отношения своего времени к языку памятника. Этот документ чрезвычайно важен. Если же текстолог станет соединять в одном списке языковые формы из списков разного времени, он разрушает документальность текста. Поэтому ссылка в оправдание текстолога на то, что такие же приемы применяет и писец, абсолютно неубедительна. Между переписчиком и ученым существует принципиальное различие. Если различия нет, — тогда другое дело.

В издание текста, как я уже многократно писал, могут вноситься лишь поправки ошибок с точными оговорками в примечаниях, но никакие «улучшения» текста сами по себе, особенно по спискам других видов и редакций или другого времени, выходящие за пределы поправок ошибок, обесмысливающих текст, совершенно недопустимы.

Яркий пример создания текстологом никогда не существовавшего и не могшего существовать текста — издание Повести временных лет по Лаврентьевскому списку Археологической комиссии¹⁰, где восполнены отдельные пропуски и «исправлены» отдельные места по летописям, относящимся к

¹⁰ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», СПб., 1910, Л., 1926.

другим редакциям, чем принятый за основной Лаврентьевский список.

С. Н. Азбелев приводит примеры «реконструкции» в издании, которое я привожу в качестве примера издания «подлинного текста», — научное издание «Задонщины» В. П. Адриановой-Перетц. Но примеры взяты С. Н. Азбелевым не из издания текстов списков «Задонщины», а именно из реконструкции текста памятника, сделанного В. П. Адриановой-Перетц. Признаюсь, что в данном случае виноват я сам. Мне следовало бы сослаться не на издание «Задонщины» в V томе Трудов отдела древнерусской литературы (М.—Л., 1947), а на издание «Задонщины» в томе VI (М.—Л., 1948). Если бы поправка С. Н. Азбелева касалась только этой моей ошибки, то я бы встретил ее с благодарностью.

Несколько слов об отношении ученого к своему учителю

Я не могу не ответить на одно обвинение, которое, хотя и не прямо, но достаточно определенно брошено мне в статье С. Н. Азбелева. Он упрекает меня в том, что я недостаточно точно и недостаточно высоко оцениваю заслуги А. А. Шахматова в развитии советской текстологии и преувеличиваю свои собственные. С. Н. Азбелев пишет, что я выдвигаю свое издание «Повестей о Николе Зараском» в качестве «образца текстологической работы» и уделяю ему в общей сложности «около 20 страниц (в книге, имеющей 605 страниц.— Д. Л.) больше, чем всем трудам А. А. Шахматова, вместе взятым» (стр. 106). Не будем заниматься подсчетом страниц — кому и сколько их посвящено, и не будем видеть оценку только в количестве страниц, посвященных тому или иному исследователю, иначе я мог бы думать, что С. Н. Азбелев, уделяющий мне преимущественное внимание в своих работах по фольклору, по древней литературе, а теперь и по текстологии¹¹, самым высоким образом оценивает именно меня и мои работы. Обращу внимание читателя только на одно обстоятельство. Я привожу примеры по преимуществу из текстов «Повести о Николе Зараском», а не примеры того, как я издаю эти тексты. Для меня важна прежде всего сама повесть, а не мое издание ее. Естественно, что я пользуюсь тем материалом, который специально изучал, и ссылаюсь при этом на свое издание, а не на издания своих предшественников, создававших контаминированные «сводные» тексты повести. Своё издание, вопреки утверждениям С. Н. Азбелева, я нигде не привожу «в качестве образца текстологической рабо-

¹¹ См. также работы С. Н. Азбелева: «Новгородские былины и летопись», «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. VII, М.—Л., 1962; «Реализм и древнерусская литература», «Русская литература», 1963, № 1; «Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу», Сб. «Принципы текстологического изучения фольклора», М.—Л., 1966.

ты» (стр. 10), а ссылаться можно и на незавершенные издания.

А теперь о А. А. Шахматове и о моем отношении к нему. Я не учился у Шахматова в университете и не мог у него учиться по возрасту, но я учился на его исследованиях и чту Шахматова в числе своих учителей. Я бы считал для себя в высшей степени предосудительным в чем-либо умалить заслуги моего «заочного» учителя А. А. Шахматова. В заключении к своей книге я прямо пишу: «Во многом данная книга исходит из идей А. А. Шахматова и его школы в изучении летописания»¹².

¹² Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 539. См. также мои работы о Шахматове-текстологе, оставшиеся

В конце своего ответа С. П. Азбелеву я бы хотел снова повторить то, что сказал в начале: рассматривая тот или иной теоретический вопрос, нельзя исходить по преимуществу из трудов одного автора, а тем более из одной или двух его работ, игнорируя прочие. Отталкиваясь от работ одного автора, ученый проявляет тем самым свою несамоостоятельность.

неизвестными С. Н. Азбелеву: Русское летописание в трудах А. А. Шахматова», «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1946, вып. 5; «Шахматов как исследователь русского летописания», в кн. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947; «Шахматов-текстолог», «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1964, т. 23, вып. 6.